

© 2002 г., ЭО, № 4

М.А. Рыблова

ПОНЯТИЕ «ГРАНИЦА» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ*

Понятие «граница» относится к числу универсальных культурных категорий, и связано это с функцией границы, которая сводится к «адаптирующей переработке внешнего во внутреннее», в результате чего происходит структурализация внешнего пространства, то есть собственно создание «пространства культуры»¹. При этом на границе происходят два биполярных процесса – смыкания двух миров и их разграничения. Любые же пограничные состояния (вызванные пространственными либо временными изменениями) во всех традиционных культурах обязательно маркируются специальными обрядами. По всей видимости, вообще большинство архаических ритуалов сопряжено именно с понятием «граница». Таким образом, сам процесс создания культуры (понимаемый как преобразование природного в социальное) всегда начинается на пограничье. Однако существуют и такие культуры, для которых пограничье – не только начальная стадия в развитии, но и постоянная семиотическая зона, вне рамок которой она уже не может существовать. К числу таких «пограничных» культур можно безоговорочно отнести традиционную культуру донского казачества.

Граница в реальной жизни донских казаков

Дикое поле – тройная граница. Само возникновение казачества связано с территорией Дикого поля, которое исторически служило буферной зоной между степью и лесом, кочевниками и славянами, христианством и мусульманством. Правда, долгое время рамки этого пограничья были размытыми. Нечеткость земельных границ вообще характерна для раннего средневековья. Так, в русских грамотах XI в. границы земельных наделов феодалов определялись нечетко или вообще не определялись. Часто встречалась формула «куды топор, и соха, и коса ходили». Однако с середины XV в. в грамотах уже преобладает четкая фиксация границ (с этого времени начинаются и тяжбы между феодалами о границах владений)². Дикое поле и в XV, и в XVI в. остается территорией «куды топор, и соха, и коса не ходили». Так образно можно определить пограничье Дикого поля в экономическом аспекте.

В политическом аспекте это пограничье наиболее четко определяли в XVI в. мусульманские правители соседних с Россией государств. Они называли Дикое поле «краем войны», откуда русским окраинам грозила постоянная опасность³. Авторы «Сведений о Войске Донском» 1878 г. определяют Дикое поле как «божью дорогу», которую проторило казачество для Руси, добываясь для нее свободного выхода к морю в борьбе с мусульманскими державами⁴. Именно в этой ситуации экономического, политического и религиозного пограничья возникает и формируется донское казачество.

Ю.М. Лотман в эссе о Санкт-Петербурге говорил об этом городе как о поселении эксцентрического типа – расположенном за пределами соотносимой с ним земли. Кон-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 00-01-00128-а/В).

центрическое поселение, расположенное в центре государства (Рим, Москва) – является его олицетворением. Эксцентрическое поселение (Санкт-Петербург, Малоярославец Святослава) олицетворяет то, что еще предстоит сделать своей землей. В такой ситуации «существующее, имеющее признаки настоящего времени и "своего", оценивается отрицательно, а имеющее появиться в будущем и "чужое" получает высокую аксиологическую характеристику». Далее исследователь отмечал, что концентрическое поселение тяготеет к замкнутости, выделению из окружения, которое оценивается как враждебное, а эксцентрическое – к разомкнутости, открытости и культурным контактам⁵.

В применении к казакам можно говорить о характерном для них эксцентрическом типе расселения. Они тоже еще только хотят сделать Дикое поле «своей» территорией. «Чужое» и «неосвоенное» – идеал людей пограничья, устремленных навстречу неизведанному. Они сами по натуре эксцентрики (по определению Л.Н. Гумилева – пассионарии). Сам феномен казачества, фиксируемый в разных этнических средах, безусловно связан с понятием эксцентричности. «Дикое поле» жестко отфильтровывало попадавших на его территорию «зашедших», беглых и бродячих, здесь приживались только самые отчаянные, те, кому близка была по духу стихия пограничья. Так, в 1646 г. на Дон из России было организовано направлено 1646 человек «охочих людей» (добровольцев), согласившихся завербоваться в казаки. Однако через год их осталось только 600, остальные разбежались, не выдержав постоянной экстремальности существования⁶.

Эксцентричность расселения, характерная для раннего казачества, хорошо видна на таком примере. Осуществляя освоение Дикого поля с запада и севера (с Северского Донца и с земель по верхнему Дону и Хопру), казаки располагают свой главный город в самом низовье Дона. Минуя всю середину Дикого поля и столь выгодную во всех отношениях Переволоку, они помещают свою ставку в Раздорах, расположенных при впадении Северского Донца в Дон. Затем спускаются еще ниже – основывают Черкасский городок, в 1593 г. – еще ниже Черкаска – Монастырский городок, и, наконец, в 1637 г. они захватывают Азов, сделав его практически своей столицей⁷. Казаки удерживают завоеванную крепость 5 лет, не имея никакой поддержки от московского правительства, а вместо выгоды – лишь необходимость отражения постоянных штурмов. Зачем? Такова психология людей пограничья – быть собственно границей. Такова «логика» эксцентрического типа расселения. А отсюда – и открытость к культурным контактам, двустороннее, культурные взаимовлияния, о которых уже так много написано⁸. В итоге создается новая семиосфера, в которую включаются обе стороны как равноправные. Отсюда и чрезвычайная сложность самой проблемы этногенеза казачества, так как процесс культурной диффузии происходил здесь на протяжении нескольких столетий.

Вместе с тем культурные традиции в зоне пограничья не просто перетекали одна в другую, они не всегда сводились к элементарному заимствованию. Опыт изучения специфики донской казачьей общины показывает, что она, возникнув относительно поздно и пройдя путь от мужских воинских союзов до классической поземельной организации общерусского типа, зафиксировала в своем развитии разностадиальные пласты группового опыта вплоть до самых архаических. Именно этнокультурные контакты приводили к возникновению явления, которое специалисты-этнологи определяют как «этническое возрождение», а фольклористы называют феноменом «вторичной архаики»⁹. Согласно этим концепциям, в зонах контакта происходит новый всплеск уже утраченной было традиции и, соответственно, у исследователей появляется возможность их реконструкции. Отсюда понятным становится все возрастающий ныне интерес ученых к малоисследованным ранее так называемым окраинным локальным традициям.

Освоение пограничья. Первые свидетельства о поселениях донских казаков относятся к 40-м годам XVI в. С этого времени начинается освоение ими пограничья. Дикое поле для первых поселенцев было «чужим» (диким пространством) и в смысле неосвоенности окружающей природы и постоянной угрозы со стороны кочевников. При

этом враждебный мир инородцев представлял гораздо большую опасность, чем мир неосвоенной природы. Более того, будучи людьми границы, выделенными за территорию расселения своего социума, казаки становились «людьми за чертой», людьми «дикой» жизни, которая ближе скорее к природному, чем к человеческому.

Первые поселения донских казаков – городки. Об их модели, отражающей социальную структуру ранних казачьих сообществ, мы уже говорили в отдельной статье¹⁰. Теперь обратим внимание на то, что этот тип поселения не противостоит природе, а вбирает ее в себя, более того, природа используется в стратегических и тактических целях. Первые городки строятся в низинах, в камышовых зарослях, на островах, т.е. в местах, неудобных для жилья, но дающих возможность легко укрыться, уйти через ерик или реку на лодках. Казачий городок отгорожен только от мира людей-врагов, но от природы – нет. По данной причине городок – и не вполне человеческое пространство, т.е. это не совсем поселение.

Кажется парадоксальным, однако окруженный рвом, насыпью и стеной городок в меньшей степени являлся поселением, чем возникшая позднее, открытая ветрам и путникам, разгороженная станица. Казаки надолго забрасывали городки, уходя в длительные походы; в них и жили чаще всего зимой, жильем же здесь, как правило, служили землянки, ямы-шиши. На этом историческом этапе в мужских казачьих союзах твердо сохранялся принцип безбрачия и, соответственно, было характерным отсутствие семейного очага как главного символа культурной жизни. Казаки в это время – «люди в лодках», т.е. люди воды, природной стихии (не сеют, не пашут), они люди разбойной, т.е. аномальной жизни. Все это – черты, определяющие их пограничное состояние. Характерная особенность устного казачьего фольклора, отразившего особенности данного периода истории казачества, – наличие в нем значительного пласта, посвященного разбойникам икладам, т.е. явлениям, связанным с маргинальным пространством.

Основание станиц совпадает по времени с переходом к мирной жизни. Опасность от людей-врагов минует и на первый план выйдет, обнажившись вдруг, перспектива иного общения с природной средой. Из среды обитания она превратится в неосвоенное пространство, которое еще нужно «очеловечить». О том, что Донская земля еще не стала в полной мере «своей» и «родной», несмотря на (как минимум) 200-летний период обитания на ней, свидетельствует и тот факт, что до начала XVIII в. сохранялось название левой стороны Дона – *ногайской*, или *кубанской*, а правой – *крымской* – по наименованиям главных врагов казачества. Это была еще одна граница: на ногайской стороне Войсковое правительство долгое время запрещало заводить хутора из-за опасности набегов. Собственно «своей» территорией была только сама река. Это хорошо видно на массовом фольклорном материале, где Дон не только поэтизируется, но и сакрализуется, предстает объектом особого почитания.

В связи с возникновением постоянных поселений – станиц и переходом к земледельческому труду (конец XVII в.) на Дону возникнет проблема межевания, т.е. выделения станичных земельных владений – юртов.

«Граница» в обрядах и представлениях донских казаков

Представления о «своей» территории. В связи с ограниченностью исторических свидетельств нам трудно судить, каким образом определялись и закреплялись первоначально за станицами земельные владения, как складывалось и изменялось со временем само представление о «своей» земле. Однако попробовать реконструировать эти представления и связанные с ними обычаи можно. Основание для такой попытки дает то обстоятельство, что редкая станица на Дону сохранила собственное первоначальное месторасположение. Большинство из них переносились, как правило, с левого берега Дона, Медведицы, Хопра и других рек на правый, либо, реже, наоборот – с правого на левый. В таких случаях возникала необходимость освоения новых («задонских») зе-

мель и нового их межевания. По всей видимости, ритуалы эти производились по известной уже и применяемой ранее схеме.

Е. Кательников на примере станицы Верхне-Курмоярской описывает интересный пример такого межевания. Ст. Верхне-Курмоярская была перенесена на левую сторону Дона в 1809 г. В это время опасность кочевнических набегов еще не миновала полностью. И это обстоятельство определило представление о «своей» земле как о той, которую станичники в состоянии будут защитить в случае такого набега: «На задонской или ногайской стороне границею юртов почитали от Дона в степь на такое расстояние, на которое выстрел из пищали тогдашнего ружья пулею достанет»¹¹.

О принципе «ружейного выстрела», используемого при разделе станичных владений внутри Черкаска, писал и В.Д. Сухоруков: «... старики не все помещались в бесedah, подле рундуков: некоторые собирались в станичные дома, которых по числу станиц города Черкаска было девять. Дома сии были построены на берегу Дона в близком один от другого расстоянии; две или три станицы пускали по реке деревянный поплавок, прикрепив к нему маленькую цель; пространство размеряли так, чтобы от каждого станичного дома цель отстояла на ружейный выстрел; начиналась стрельба со всех станичных домов, и которая станица прежде успевала сбить цель, ту побежденные обязаны были угощать тройным касильчатым медом»¹². Из приведенной цитаты ясно, что станичные избы располагались на расстоянии двух ружейных выстрелов одна от другой.

Возвращаясь к тексту Е. Кательникова о станице Верхне-Курмоярской, далее читаем: когда опасность миновала, «начали почитать юртом, пока по речке Оксаю поля донская вода весною означается»¹³. Таким образом, второй этап в осмыслении «своего» пространства определялся положением воды.

Третий этап в развитии этих представлений, по всей видимости, был связан с распределением земельных владений внутри юрта и закреплением их в индивидуальное пользование. Эти обычаи относятся к XVIII в., когда на Дону окончательно утвердился оседлый образ жизни, а с развитием земледелия оформилась так называемая вольно-захватная форма землепользования. Она существовала довольно долго – в некоторых станицах до конца XIX в., и потому в нашем распоряжении имеются описания таких разделов: «Еще на нашей памяти луга, например, делились, бывало, так (по старине, по-казацки, как испокон веку велось при отцах и дедах): весной, перед сенокосом, выезжает в поле вся станица – и старые, и молодые; все на конях – ждут условного знака со стороны станичного атамана; наконец атаман дает знак и станичники скачут в разные стороны по полю: кто в известное число секунд что успел обскákat, сколько ему хотелось сенокосного поля, то он и считает своим, то он и обкашивает, как бы отмежевывает от себя...»¹⁴.

Примерно так же впоследствии будет закрепляться в наследственное пользование и пахотная земля (надел). И. Тимощенко писал, что нередкими были ситуации, когда жители какого-либо поселка. «стесненные в своих довольствиях, подъезжали к другому поселку и начинали пахать, а те тоже выезжали сюда же с плугами и начинали пахавших опаживать кругом, чтобы помешать им продолжить работу»¹⁵. Это составительное опаживание явно связано с древними представлениями и ритуалами: ничейной считалась лишь земля необработанная, участок, обведенный бороздой или обкошенный (т.е. вычлененный из природного мира и включенный в мир человеческий), закреплялся в пользование. Позднее, по мере прироста населения на Дону и возникновения земельного дефицита, закрепленной в пользование будет признаваться лишь та земля, которая реально обрабатывалась: «если кто вспашет землю, то она принадлежит ему четыре года: два года для посева на ней хлеба... и два года для снятия травы... На пятый же год, если хозяин ее вновь не вспашет, то ее имеет право пахать уже всякий, как общественную»¹⁶.

Таким образом, представления донских казаков о «своей» территории эволюционировали от принципа «куда пуля долетит» к принципу «куда топор, и соха, и коса ходили».

Обряды межевания. Представления о границе. Первые сведения о «полюбовных» разделах земель между станицами относятся к 80-м годам XVII в. Обычно такие разделы происходили по инициативе самих станичников. Попытка наведения порядка в заселении войсковых земель со стороны администрации была предпринята впервые, как свидетельствуют акты, в 1703 г. С этого времени высочайшей грамотой запрещалось произвольно занимать пустопорожние места без разрешения Войскового правительствa. Более того, предстоящие раздел земель и закрепление его за станицами предполагалось осуществлять только для «своих», т.е. тех, кто официально был включен в станичные списки. Прибывшие на Дон в 1703 г. чиновники имели полномочия на высылку из казачьих городков беглых, «зашедших туда после 1695 года» с наказанием каждого из них¹⁷.

Если в 1681 г. в грамоте об основании ст. Гундоровской предлагалось «станицу собирать, сколько им угодно», то в войсковой грамоте о заселении новой ст. Лукьяновской от 14 декабря 1705 г. выдвигалось условие – не принимать новопришлых с Руси людей. Если же впоследствии это условие будет нарушено, то атаману обещалась смертная казнь без пощады, станице – войсковая пеня, а само поселение должно было быть разрушено, а «от юрта отказано»¹⁸. Таким образом, межевание станичных юртов совпадало с окончательным оформлением казачества в закрытое сословие и отделением его от беглых и «зашедших», которых ранее принимали без ограничений (знаменитое «с Дону выдачи нет» кануло в Лету).

С этого времени на Дону возникнет еще одна граница, которая отделит казаков от так называемых иногородних, и станет источником их длительного и неразрешимого противостояния. В рамках казачьих поселений места для жительства иногородним будут выделяться на краю, т.е. на границе с внешним миром. Во многих станицах появятся так называемые Мужичьи улицы и «концы». Пренебрежительное отношение казачества к иногородним найдет со временем свое проявление в обидных прозвищах, в лишениях их многих прав и льгот. К этому времени очень жесткой станет и внешняя граница, которая отгородит казачество от других (в первую очередь крестьянского) сословий. Наличие двух полюсов – открытости и закрытости – и постоянных колебаний между ними станет важнейшей чертой казачьей субкультуры, которая, собственно, и давала возможность выстоять в ситуации пограничья, сохранив свою самобытность. На сочетание в пограничных культурах полярных тенденций – охранительной и космополитической указывал В.Е. Багно¹⁹. О том, сколь закрытой и консервативной станет со временем культура донских казаков, хорошо известно по массе исторических свидетельств и публикаций.

Вернемся, однако, к межеваниям. Желаящие основать новую станицу должны были теперь явиться в столичный Черкасск на Войсковой круг и представить устно свою просьбу. Круг «дозволял охотникам занимать просимые места», собрав столько людей, сколько могут прокормиться на степных просторах. Разграничение юртовых дольствий новопоселяющиеся казаки производили «сами собою с общаго согласия соседних станиц». При этом составлялась «полюбовная запись», которую отправляли в Главное войско, а то в свою очередь выдавало станицам «разводные грамоты»²⁰.

Разводная грамота об отводе Лукьяновского юрта (ст. Лукьяновская на Бузулуке) гласила: «1706 года мая в 10 день, по указу Великого Государя и всего Великаго войска Донскаго по грамоте войсковой, отмежевали юрт Лукьяновской, меж Яменскаго и Карповских юртов, Минай Петров и Данила Федоров, взем на руки Спасов образ и Пречистую Богородицу; от Карповскаго рубежа по Седой яр, с того Седаго яра указали прямо в степь на левую сторону на Березовые колки; с того же Седаго яру прямо в лес, в лесу набиты грани на дубах в пяти местах, считая грань на выходе лесу на дубу же, с той последней грани прямо указали на озеро, в озере растет чакан и куга. От Яминских рубеж те же правды (курсив мой. – М.Р.) указали прямой рубеж в Поганый яр, с того Поганаго яру прямо в озеро, в озере растет чакан; с того озера прямо по займищу, по выходе займища набита грань на дубу, с той грани указали выпшедшему на гребень прямо в степь на высокий курган на правую сторону; а Бабье озеро ос-

талось в левой стороне в Лукьяновском юрту... Да с ними разводчики с Минаем Петровым, да с Данилою Федоровым были на разводе сторонние казаки»²¹. Грамота имела 20 подписей.

Из текста грамоты следует, что выделение юртовых владений вновь образующейся станицы осуществлялось путем обхода угодий с иконами Спаса и Богородицы, которые несли люди, называемые «правдами». И это пока все. Восстановить обряд межевания более детально позволяют грамоты, зафиксировавшие возникшие уже позднее ситуации споров между соседними станицами о границах земель. Подобная картина описана, в частности, Иваном Тимощенковым на примере ст. Казанской: «чтобы решить в таком случае спор, назначали третейский суд или, по тогдашнему, "общую правду". Общая правда был какой-нибудь старожил. Он, поклявшись перед Евангелием поступать по совести, брал в руки образ Спасителя и шел по тем местам, где, как он помнил, проходили грани. Показания его, в таком случае, были святы и ненарушимы для обеих сторон». И. Тимощенков отмечает, что обычай этот сохранился до 1850 г., когда юрт станицы был обмежеван по распоряжению правительства, были поставлены знаки, выдан план, межевые книги и пр.²²

По всей видимости, и первичное межевание осуществлялось избранными обществом «лучшими стариками», называемыми «правдой». Таким образом, выделение станичных земель представлялось как божественное определение границы. В данной ситуации воля общины («общая правда») соотносилась с волей Божьей. Сам же обряд межевания и семантически, и структурно сходен с обрядом опахивания селений, проводившийся и в среднерусской полосе, и на Дону в случае эпидемий (холеры, тифа) и массового падежа скота. В русских селениях обряд опахивания обычно осуществлялся женщинами; руководили им старухи, они шли впереди процессии с иконами в руках²³. На Дону участниками обряда нередко были представители всех половозрастных групп; мужчины впрягались в плуг, опахивая поселение кругом, а впереди шел старик, читающий Псалтырь²⁴. Особая роль мужчин (главным образом стариков) в большинстве важнейших общепоселенческих обрядов на Дону хорошо известна, как и семантика обряда опахивания – вычленение своего пространства, его защита от пространства болезни через испрошение Божьей милости. Таким образом, и в обряде опахивания, и в обряде межевания воспроизводилась ситуация первичного разграничения мира и его отделения от хаоса.

В народной мифологии четко фиксируются представления о том, что в основе творения мира лежала первичная жертва. У донских казаков (как и в целом у восточных славян) это представления о том, что новый дом строится «на чью-то голову» (хозяина этого дома ждала скорая смерть), должен умереть ближайший родственник человека, посадившего вербу²⁵. При закладке первого венца будущего дома совершали жертвоприношение – резали петуха и его кровью окропляли бревна обчинки. Отголоски представлений о первичной жертве, положенной в акт разграничения мира, можно усмотреть в широко распространенном у донских казаков обычае устраивать кулачные бои при разделе лугов. Сами казаки отмечали, что бои эти были «весьма кровопролитны»²⁶.

На границе казачьих поселений с кочевьями калмыков устраивались состязания-поединки. М. Харузин приводит рассказ казака Воробьева из хутора Караичева, относящийся к 80-м годам XIX в.: «...еще не так давно между казаками и калмыками нередко устраивались поединки. Калмыки "шайками" подъезжали к берегу реки, отделявшего их от казацкого поселения, и вызывали бойца. До начала поединка полагался такой "залог": если победит казак, то калмыки дадут ему двух коней, 2 червонца, ведро водки и т.п., если же победителем выйдет калмык, то казаки должны поставить водку. Так как казаки были беднее калмыков, то и платили они всегда меньше. Уговорившись о вознаграждении победителю, казаки высылали из среды своей бойца, который и переправлялся на тот берег. Калмыки же на казацкий берег никогда в подобных случаях не переезжали: "им делали уважение, потому, что с их стороны заклад был больше"»²⁷. Один из подобных поединков, по словам информанта

М. Харузина, закончился кровью – боец-казак так ударил калмыка о камень, «что верхушка черепа в сторону отлетела»²⁸. Так что окропление границы кровью иногда оказывалось вполне реальным.

И. Тимощенко, основываясь на воспоминаниях старожилов ст. Казанской, указывает на обычай сечения подростков на меже: «Граждане, сошедшись с гражданами других пограничных станиц, согласились на счет меж и поставили везде грани. Для того, чтобы оне лучше помнились в народе, граждане собрали всех взрослых мальчиков, как из своей, так и из всех других станиц, водили их толпою и секли розгами в тех местах, где стояли грани. Как высекут, так и пустят бежать домой. Делая это, они надеялись, что каждый мальчик до старости будет помнить то место, где был сечен»²⁹. Описанный Тимощенковым обычай нашел широкое распространение у русских, что закрепилось, в частности, в поговорке: «Кто на меже сечен, тот и в понятия иди». Т.А. Бернштам полагает, что в этом обычае закреплена связь межи с каким-то древним возрастным обрядом³⁰. Это предположение, однако, не противоречит в целом мысли о том, что в обрядовом сечении малолеток могла воспроизводиться ситуация окропления границы кровью как отголосок акта первичной жертвы.

В связи с этим интересно еще одно указание И. Тимощенко на обычай казни изменника, бытовавший в старину у донских казаков: «за измену войску иногда казнили и так: выводили преступника на границу, перерубали его пополам и одну половину оставляли на своей земле, другую же перебрасывали на неприятельскую»³¹. Этот обычай также может быть рассмотрен в двух контекстах: по отношению к преступнику (рассечение его тела и погребение частей на разных территориях как символизация его изменничества, а значит, и лишение его души пристанища) и по отношению собственно к границе – кровью изменника она закреплялась, а сам изменник уподоблялся жертве. Помимо этого здесь явно просматриваются и представления о границе как о месте «нечистом» (ср. с обычаем хоронить «нечистых» покойников на периферии кладбища).

Мотив «нечистоты» пограничья зафиксирован и в бытовавшем у русских присловье, которое говорит в сердцах мать ребенку: «Брошу тебя под межку». У донского казачества эта же идея реализуется вербально в тексте песни «А и дома ли хозяин?», сюжет которой сводится к тому, что казак полюбил на чужой стороне «чужаужинию жану»: «Чужаужиня жана, да лебедушка белая, / А моя-то, расподля (в варианте – "шельма-жана") – полынь-горькая трава, / Полынь горькая трава, на меже в поле росла, / На меже, меже, меже да в чистом поле рубеже...»³².

В то же время граница, определенная между поселениями «правдами» и закрепленная повторно, почиталась казаками как определенная Божьей волей, и посягательство на нее расценивалось как святотатство. Людей, пытавшихся оспорить границу, проведенную «общей правдой» повторно, называли на Дону «бездушниками», с них предписывалось за «учинение спора без приговору» взимать войсковую пеню в размере 100 руб.³³. В некоторых станицах предусматривались еще более суровые меры против бездушников – их полагалось «людьми дойти и без суда прибыть»³⁴. Интересен и тот факт, что в случае возникновения разногласий между станицами по поводу границы оба поселения избирали «почетных стариков» и отправляли их в Главное войско на лодках по Дону, предполагая, что в ходе длительного путешествия они примирятся и придут к общему согласию³⁵. Таким образом, разрешение конфликта о границах предоставлялось не людям (нежелательно, чтобы этот вопрос разбирался в войсковой канцелярии), а Божественной воле (отсылка в путь по воде как направление в маргинальную зону для получения информации от высших сил).

Впрочем, даже если дело о спорах доходило до войсковой канцелярии, она также разрешала конфликт по нормам обычного права: вызывала из станиц несколько «лучших» выборных стариков, которые целовали крест и Евангелие в том, что будут говорить «сущую правду», и выслушивала их показания относительно границ. Эти показания впоследствии «поверялись сыскным старшиною на месте и тогда уже постановлялось решение»³⁶.

В процедуре земельных межеваний можно выделить еще одну, по всей видимости, специфическую для Дона особенность. Речь идет об межстаничных разделах земель, лежащих по обе стороны Дона, необходимость в которых возникала по мере переселения поселения с одного берега на другой. Интересно, что и здесь применялся принцип «вольной воды». Е. Кательников так описывает этот ритуал: «старики для границы прорезывали воду через Дон. Они полагались в общую правду на одного молодца, чтоб от насеченной грани при берегу одной стороны Дона, и где выплывает, там назначали и рубеж. Делали крепко, чтоб никто неведением не отговаривался, что "общая правда" плыл не в том, а в другом месте»³⁷. Практическая нецелесообразность такого обычая налицо: при таком разделе земельные владения одной из станиц на противоположной стороне неизбежно будут ущемлены (чем сильнее течение в этом месте, тем большей будет разница). Именно поэтому оказывается столь очевидной символика этого ритуала: в нем происходит очередное обращение к водной стихии, связанной, по народным представлениям, со сферой сакрального. В данной ситуации наглядно просматривается отношение к речной воде как к медиативному пространству: и разделяющему, и связывающему «свой» и «чужой» берег. Заметим, что право определения рубежа на «своем» берегу общество делегирует «общей правде», а на «чужом» – воде (куда она вынесет). Сакральный статус приплывших по воде предметов хорошо известен в общерусской традиции. Так, место для постройки церкви определялось по прибитой к берегу иконе; чтобы найти место для постройки деревни, пускали по воде дерево или плот³⁸. Таким образом, и «общая правда» посредством воды получал более высокий статус, и отмеченный им знак границы уже не мог быть оспоренным противоположной стороной, а воспринимался как знак свыше. Вместе с тем, в этом обряде наглядно просматривается ситуация «диалога»: запроса и ответа на него (получаемого от высших сил).

При разделе сенокосных угодий «диалог» воплощался в иной форме: высшим силам отсылался «остаток» – та часть лугов, которая оставалась после жеребьевки. По наблюдениям очевидца, это происходило по простой схеме: «по закону дедов порешили – остаток продать, деньги всем хутором пропить». Остаток тут же купил зажиточный казак за 8 руб. Послали гонцов в станицу за водкой. Гуляли до утра³⁹. Как видно из сказанного, пропить деньги предписывалось «законом дедов», а не простым желанием общества. Здесь, с одной стороны, явно просматривается намерение распорядиться остатком так, чтобы «всем досталось». С другой стороны, очевидны аналогии с повсеместно бытовавшим запретом использовать на практические (мирские) нужды деньги, вырученные колядованием и иными ритуальными обходами. Не случайна и формула «пропить», так как «напой» – один из способов контакта с представителями «того» света.

Закрепление границы. По представлениям донских казаков, граница в силу контактности с другим миром нуждается в укреплении и защите не только оружием, но и святостью (вспомним, православные казаки считали, что держат «Божью дорогу», защищая Русь от контактов с «нехристями»). С этими представлениями связан распространенный на Дону обычай построения именно на пограничье монастырей, обителей, келий и пр.

В. Пудавов высказал предположение, что знаменитый Монастырский городок первоначально был местом поселения одиноких, состарившихся казаков, «дававших особенные обеты за одоление врагов ходить в монастыри для поклонения святым угодникам». Он отмечал, что это были люди, обладавшие особой отвагой, так как Монастырский городок располагался на самой границе с Турцией⁴⁰. Г. Левицкий прямо писал, что «в Монастырский городок, к богато украшенной часовне поступали в то время на вечную жизнь все старые и от ран увечные донские казаки для окончания дней своих в повседневных молитвах, а желавшие из них иночества принимали в той же часовне и монашеский постриг»⁴¹. Представляется весьма интересным то обстоятельство, что старые и немощные не отпирывались в безопасное место, а селились на самом опасном пограничье. И лишь после разрушения Монастырского городка турками казаки обра-

тились в 1663 г. к царю с просьбой, «чтобы он дозволил старым и от ран увечным донским казакам поступать на вечную жизнь в Чернеев свой монастырь и постричься в нем без всяких вкладов, так как мы-де издревле тот монастырь свой всем Войском Донским и строим, и многие вклады в него даем»⁴². Таким образом, у казаков были места, более безопасные и укромные для помещения там старцев, однако до 1663 г. именно Монастырское урочище считалось самым престижным местом обитания отошедших от ратных дел воинов.

Вполне практическое объяснение этому можно найти в старочеркасских преданиях, основанных, как утверждает Г. Левицкий, на письменном акте. Предание гласит, что, отправляясь в 1637 г. на штурм Азова и «дошед до Монастырского городка, казаки принесли в нем молитвы Богу... и дали клятвенную заповедь, что если суждено будет кому из них пасть под Азовом, то оставшимся в живых заповедывалось, чтобы они тела их, как христианские, отнюдь бы не погребали на бусурманской земле, но отвозили бы в Монастырский городок... и погребали бы на тамошнем кладбище». Причина установления такого завета состояла в том, что турки разрывали казацкие могилы, «отрывали у мертвых головы и, вонзив их на колья, выставляли на крепостных стенах своих на поругание и страх»⁴³. Заметим, однако, что «азовский завет» был установлен уже после того, как было основано Монастырское урочище, а затем и городок.

Обычай отдельного поселения старцев был распространен на Дону и в более позднее время, уже после перехода к оседлой земледельческой жизни. Старожил ст. Тишанской, собиравший старинные станичные предания в 70-е годы XVIII в., писал: «бывали среди жителей станицы такие, которые по окончании многотрудной службы царю земному, отрекались от всех мирских сует, искали уединения, где в подвигах молитвы и поста посвящали всецело остатки преклонных лет своих служению Царю Небесному. Памятниками такой их жизни до сих пор служат названия урочищ, где трудились они, например, Келейный буерак, Труженникова пристань и пр.»⁴⁴.

Обычай поселения старцев на краю поселений особенно долго (вплоть до 30-х годов XX в.) держался у казаков-старообрядцев. Так, в хуторе Морском Чернышковского р-на до наших дней сохранились воспоминания о кельях «подземельников», располагавшихся в песках за хутором⁴⁵. Старообрядческие келейки нередко держали и старухи, занимаясь в них обучением девочек «старому уставу»⁴⁶. Сохранились воспоминания старожилов ст. Нижне-Каргальской о поселениях старцев: «назад тому лет 80 (считая от 1840 г.) из жителей станицы казаки, оженивши сынов и отдавши замуж дочерей своих, оставляли своих жен и детей со внуками, отходили и жили по одному человеку в своих кельях, также и старухи. Иной далеко строил келью от сынов своих, а иной на базу своем, но, рассказывают, очень много было таких, кои жили особо от семья, не входили в ее хозяйство, а занимались более рыболовством... Таким людям, а особенно старушкам, всякий хозяин носил хлеб мукою и печеным. По переселении из старого городка на гору в 1871 г. после пожара под горою было келий до 20; в них жили весьма престарелые люди, немощные и калеки и безродные...»⁴⁷.

В обычае поселения старцев на краю (Войска или поселения) помимо символического закрепления границы, конечно же, очевиден и другой мотив: переселение в маргинальную зону стариков как подготовка к предстоящему уходу в мир «иной». Но тот факт, что сама община закрепляла за старцами статус своеобразных «пограничников», также очевиден. Поселившиеся на пограничье старцы значительно повышали свой общественный статус, пользовались чрезвычайным почетом и уважением. В определенном смысле они противостояли (но не силой оружия, а «святостью») всем тем, кто постоянно пытался открыть границу: «басурманам» в период ранней истории, колдунам и ведьмам в более позднее, мирное, время. Колдуны и ведьмы также селились на краю поселения; для них граница была возможностью осуществлять постоянные контакты с «тем» миром, т.е. они границу «открывали», в то время как старцы ее «держали». Таким образом, однажды очерченная, определенная Божьей волей граница постоянно укреплялась: либо оружием и кровью (в более раннее время), либо «святостью» и подвигом духовным (в позднее время).

Впрочем, не исключено, что в самый ранний период истории казачества отношение к старцам (как к людям, неспособным уже выполнять функции воинов) было иным. И их поселение в пограничной зоне может быть объяснено исключительно представлениями об их близости к «тому» свету. Т.А. Бернштам отмечала, что народная традиция сближала стариков с категорией колдунов и знахарей⁴⁸. Наконец, функция погребения павших воинов в приграничном (маргинальном) пространстве соотносила старцев с понятием ритуальной «нечистоты». И лишь позднее, с окончательным утверждением на Дону православия и патриархального быта могло произойти переосмысление статуса и функции стариков, ставших к тому времени «духовными пограничниками». Все эти рассуждения в настоящее время имеют лишь предварительный характер, так как вопрос о положении стариков в донской казачьей общине еще далек от окончательного разрешения. К тому же само понятие старости, относящееся к категории времени, предполагает перенос анализа понятия «граница» из пространственного аспекта во временной. А это уже – тема отдельного исследования.

Примечания

- ¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 265.
- ² Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов-н/Д., 1992. С. 69.
- ³ Там же. С. 33.
- ⁴ Сведения о Войске Донском: статистические, исторические, географические, этнографические, сельскохозяйственные и прочие. Новочеркасск, 1878. С. 19.
- ⁵ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 321.
- ⁶ Кобыляков С.Г. Заселение Дона в XVI–XVII вв. // Уч. зап. ЛГПИ им. Покровского. Географ. ф-т. Т. X. Вып. 3. Л., 1955. С. 65.
- ⁷ С 1637 г. Азов стал культурным и торговым центром казачества; здесь бывали купцы из Кафы, Керчи, Тамани, встречались турки, персы, греки, калмыки, ногаи, запорожцы, русские и др. См.: Лукин В.В. Азовская эпопея 1637–1641 годов. Ростов-н/Д., 1988.
- ⁸ Вопросы материальной культуры донских казаков (пища, одежда, жилища) в этой статье не рассматриваются, так как им посвящен ряд публикаций. См., напр.: Донской народный костюм. Ростов-н/Д., 1986; Рыблова М.А. Типы традиционных жилищ донских казаков // Этнограф. обозрение. 1998. № 6.
- ⁹ На фольклорном материале феномен «вторичной архаики» применительно к донской казачьей традиции рассмотрен в: Рудиченко Т.С. Об архаических мотивах в былинном эпосе донских казаков // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Ростов-н/Д., 1999. С. 184–198.
- ¹⁰ Рыблова М.А. Поселения донских казаков: от куреня к станице // Проблемы казачьего возрождения. Сб. научных статей. Ростов-н/Д., 1996. С. 13–17.
- ¹¹ Кательников Е. Исторические сведения о Верхне-Курмоярской станице, составленные из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. С. 11.
- ¹² Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. М., 1891. С. 52–53.
- ¹³ Кательников Е. Указ. соч. С. 11.
- ¹⁴ Мордовцев. Физическое строение, почвы и сельское хозяйство Донской области // Живая Россия. Т. VII. Ч. II. М., 1899. С. 8–9.
- ¹⁵ Тимоценков И. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Тр. Области войска Донского стат. комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 149.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Ветчинкин В.Н. Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания // Тр. Области войска Донского... С. 27.
- ¹⁸ Щелкунов Э. Об устройстве казачьих поселений и об юртовых при них довольствиях // Сб. Области войска Донского стат. комитета. Новочеркасск, 1907. С. 55.
- ¹⁹ Багно В.Е. Пограничное сознание, пограничные культуры // Полярность в культуре. Канун. СПб., 1996. С. 420.
- ²⁰ Ветчинкин В.Н. Указ. соч. С. 27.
- ²¹ Там же. С. 27–28.
- ²² Тимоценков И. Указ. соч. С. 145.
- ²³ Русский праздник. Энциклопедия. СПб., 2001. С. 357–361.
- ²⁴ Казак. Из донской станицы. (Народное лечение рогатого скота от эпидемической болезни) // Казачий вест. 1885. № 101.

²⁵ П. Никулин в «Заметках проезжего» (он путешествовал вверх по Дону от ст. Нижне-Чирской) писал, что казаки нередко вырубали вербы, выросшие на левадах из сырых кольев ограды, говоря, что они разрослись не к добру. И далее: «Я знаю одного священника, который имеет хорошее место для вербы и не садит ее по этому же предрассудку: боится – попадая умрет...» (Донские областные ведомости. 1873. № 92).

²⁶ *Велюнский*. Мундирники // *Казачий вест.* 1885. № 92.

²⁷ *Харузин М.* Сведения о казачьих общинах на Дону. М., 1885. С. XXXI–XXXII.

²⁸ Там же.

²⁹ *Тимоценков И.* Указ. соч. С. 145.

³⁰ *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–XX в. Л., 1988. С. 54.

³¹ *Тимоценков И.* Указ. соч. С. 145.

³² *Листопадов А.М.* Старинная казачья свадьба на Дону. Ростов-н/Д., 1947. С. 114.

³³ *Ветчинкин В.Н.* Указ. соч. С. 28.

³⁴ *Кательников Е.* Указ. соч. С. 11.

³⁵ *Попов Х.* Примечания к книге Е. Кательникова «Исторические сведения о Курмоярской станице». Новочеркасск. 1886. С. 57.

³⁶ *Кательников Е.* Указ. соч. С. 10.

³⁷ *Шелкунов С.* Войско Донское при атамане А.И. Иловайском // Сб. Области войска Донского стат. комитета. Вып. 10. Новочеркасск, 1911. С. 65.

³⁸ Подробную сводку таких обычаев с комментарием см.: *Панченко А.М.* Народное православие. СПб., 1998. С. 133–140.

³⁹ Донец. Общественное дело (Из казачьей жизни) // *Донская жизнь.* 1909. № 166.

⁴⁰ *Пудавов В.* Монастырское урочище на Дону // *Донские войсковые вест.* 1853. № 2.

⁴¹ *Левцкий Г.* Монастырское урочище или Монастырский городок // *Донские войсковые ведомости.* 1866. № 22.

⁴² *Ригельман А.И.* История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и с какое время и из каких людей на Дону поселились, какая их были дела и чем прославились и проч. М., 1846. С. 99.

⁴³ *Левцкий Г.* Указ. соч.

⁴⁴ *Я.А.* Старинные предания и настоящий быт Тишанской станицы // *Донские областные ведомости.* 1873. № 50.

⁴⁵ Материалы Этнографической экспедиции Волгоградского государственного университета. Т. 1. Волгоград, 1999. С. 5.

⁴⁶ О браках между раскольниками // *Донские областные ведомости.* 1872. № 40.

⁴⁷ *Н.Т.* Из донской старины // *Казачий вест.* 1884. № 19.

⁴⁸ *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 170.

M.A. R y b l o v a . The Idea of «a Border» by the Don Cossaks

An idea of a border, being a cultural universal, is variously comprehended in different cultures. In Don Cossaks' semiosphere the idea plays a prominent part, as economic, political, cultural and confessional borders were intimately interrelated with the group's origin. Territorial aspects of the idea of a border in the Don Cossaks' culture are the focus of the article. Customs and rituals related to the setting of boundary landmarks between neighbouring Cossak settlements serve as example of border setting and creation of «our own» space by Cossaks.